

Глава 4. Временное прощание

Услышав этот ответ, Ло Хуай застыл, словно сломанный механизм. Прошло немало времени, прежде чем он окончательно сник, проглатывая слова, так и не сорвавшиеся с губ. В горле саднило, будто по нему медленно водили тупым ножом.

«Почему я так разочарован? — юноша и сам не понимал природы своих чувств. — Человек спас меня дважды — этого более чем достаточно. Теперь следует лишь постараться не стать обузой»

Давешние слова Чу Сюня о том, что у мальчишки красивое лицо, не были пустой лестью. В шестнадцать-семнадцать лет юношеские черты еще не обрели резкости, но уже утратили детскую мягкость. Влажные черные пряди, заправленные за уши, подчеркивали прозрачную бледность щек, на которых ярким росчерком выделялись брови и ресницы.

Хотя глаза Ло Хуая всё еще были воспалены, а вид — жалким, он быстро взял себя в руки. Выпрямив спину, он спросил с напускным спокойствием:

— Как я могу отблагодарить тебя? — И тут же добавил тише: — И... когда ты уходишь?

Чу Сюнь молча перевел взгляд на собеседника. Достав из пачки сигарету, он зажал её между пальцами и прикурил от пламени камина.

Клубы сизого дыма смешались с тусклым отсветом огня. В отблесках костра серебристо-голубые глаза мужчины походили на ледяную равнину, озаренную последними лучами заката. Оранжевые блики скользили по его четко очерченной челюсти, придавая облику ленивое изящество.

Он курил «Байминхэ» — сигареты с мягким, едва уловимым ароматом, совсем не похожие на терпкие сигары. У Чу Сюня не было вредных привычек; он вообще не позволял себе зависеть от чего-либо. Сейчас он закурил лишь для того, чтобы понаблюдать за Ло Хуаем: за тем, как тот, зажмурившись, неловко и беспомощно кашляет, теряя свою напускную серьезность.

Юношеское лицо, скованное суровой маской, мгновенно преобразилось. Чу Сюнь, прикусив фильтр, невнятно спросил:

— Почему ты хочешь отплатить мне?

Ло Хуай задумался.

— Потому что ты... не похож на «хорошего человека» в привычном смысле слова.

Он явно не походил на того, кто станет подбирать раненых в снегу просто по доброте

душевной. Юноша помнил: в их первую встречу этот человек всерьез намеревался его убить. Он не знал, что заставило мужчину передумать, но был уверен — тому от него что-то нужно. Иначе спасти его не было никакого резона.

Этот ответ заметно поднял Чу Сюню настроение. Подросток оказался куда сообразительнее Системы 059.

— Значит, сделаешь всё, что я прикажу?

Ло Хуай непроизвольно сжал пальцами ткань брюк на коленях. Помедлив мгновение, он решительно кивнул.

Чу Сюнь усмехнулся и внезапно сменил тему:

— Сколько тебе осталось до совершеннолетия?

— Что?.. — юноша опешил. — Год.

Больше мужчина не проронил ни слова. В наступившей тишине Ло Хуай беспокойно облизнул губы — разговор принимал странный оборот. Но не успел он погрузиться в раздумья, как пальцы Чу Сюня снова коснулись его лица.

Он приподнял подбородок подростка, чуть согнув фаланги пальцев. В его уникальном голосе — повелительном, но с привкусом интимности — прозвучало короткое:

— Открой рот.

Ло Хуай подчинился инстинктивно. Не понимая, что задумал мужчина, он случайно прикусил губу, и на ней проступила бледная алость. Удерживая лицо юноши одной рукой, Чу Сюнь другой вложил сигарету ему между зубов. Ло Хуай замер, словно манекен.

— Зажми её, — улыбнулся мужчина. — Что же ты такой недотепа?

Щеки Ло Хуая вспыхнули. Он и сам чувствовал себя глупо, покорно прикусывая фильтр.

Чу Сюнь не собирался услужливо подносить ему огонь. Он лишь лениво склонился вперед, положив руку на плечо юноши, чтобы тот не дергался, и опустил взгляд. В полумраке их лица оказались совсем рядом. Огонек одной сигареты коснулся другой; табак затлел, испуская тонкую струйку дыма.

Сигареты «Байминхэ» имели тройной фильтр и курились легко — они не могли вызвать у

мальчика приступа кашля. Многие называли их «дамскими», но Чу Сюню было плевать. Он ценил их за одно важное свойство: они были лучшим обезболивающим.

Мужчина выпрямился. Его рука скользнула с подбородка к кадыку юноши, чуть надавив на него.

— Вдыхай, — скомандовал он.

Ло Хуай сглотнул и неловко выпустил облачко дыма. Эффект был мгновенным: резь в глазах чудесным образом отступила. Чу Сюнь подумал, что этот парень похож на щенка, которого только что вытащили из гнезда и учат ходить — каждое движение приходится направлять.

— Это обезболивающее? — осторожно спросил юноша.

Чу Сюнь бросил короткое «м-гм». Убрав руку, он небрежно ответил на прежние вопросы:

— Уйду, как только начнешь видеть. Снежная слепота — не смертельная болезнь. Так что либо сегодня ночью, либо завтра. А насчет того, что ты должен сделать... — он насмешливо изогнул губы в улыбке. — В будущем постарайся стать хорошим человеком.

«В Одиннадцатом округе в семнадцать лет уже можно употреблять никотин, я не учу его ничему плохому», — мысленно пояснил он системе.

[Спасибо, я в курсе] — отозвалась 059.

Ло Хуай горько усмехнулся, приняв слова за злую шутку.

— Я оказался в этой яме именно потому, что был хорошим, — его голос мгновенно заледенел, наполнившись жгучей ненавистью. — Если я выберусь отсюда живым, они за всё поплатятся.

Чу Сюнь промолчал. Опершись рукой о спинку стула, он сверху вниз посмотрел на подростка. Боль утихла — мазь и сигарета сделали свое дело. Ло Хуай уже мог различать слабый свет в комнате. Он попытался открыть глаза шире, но внезапно почувствовал, как его подхватили на руки.

Чу Сюнь отнес его на чердак, где, как он и предполагал, нашлась старая кровать.

— Тебе пора спать.

Он опустил Ло Хуая на пыльный матрас и собрался уходить. В полумраке чердака юноша почти ничего не видел, но инстинктивно вытянул руку и сумел перехватить запястье мужчины. В

воцарившейся тишине он даже чувствовал мерный ритм пульса под крепкими костями Чу Сюня.

— Что еще? — спросил тот. — Надеюсь, ты не потребуешь шелковых простыней, молодой господин?

Ло Хуай отчаянно затряс головой. Поняв, что в темноте этого не видно, он поспешно ответил:

— Нет.

«Будешь ли ты здесь, когда я проснусь?» — на самом деле хотел спросить он.

Но Ло Хуай знал, каким будет ответ. Для Чу Сюня он был лишь случайным спасенным, не представляющим интереса. Юноша понимал, что на подобный вопрос получит лишь очередную насмешку, поэтому слова сменились на другие:

— В следующий раз... можно обойтись без этих «принцесс» на руках?

Ему было до смерти неловко.

— Не заметил, чтобы ты был против, — усмехнулся Чу Сюнь. — Держался-то крепко.

Сгорая от стыда, Ло Хуай пробормотал что-то невнятное и отпустил его руку. Пальцы скользнули по ладони мужчины, на миг переплелась с его собственными. Укрывшись курткой, юноша почувствовал странную пустоту и щемящую горечь в груди. Он не понимал природы этого чувства. Было ли оно связано с человеком, чье имя он даже не знал?

Утомленный дорогой, Ло Хуай едва держался на ногах, но изо всех сил старался не уснуть, заговаривая с Чу Сюнем о всяких пустяках. Для мужчины это был пустой треп, он не отвечал, но и не уходил. Юноша даже ущипнул себя за раненую ногу, чтобы не провалиться в сон.

— Что ты делаешь? — спросил Чу Сюнь.

Ло Хуай вздрогнул.

— Ничего... Прости. Спокойной ночи.

Мужчина вздохнул и, сделав шаг вперед, поправил на нем куртку.

— Спокойной ночи, — непривычно мягко произнес он.

Эти слова подействовали как заклинание. Сознание Ло Хуая померкло, и он погрузился в глубокий сон. Ему снилось, что он в безопасности — он тихо лежал в чьих-то холодных и чистых объятиях, ничего не делая и ни в чем не нуждаясь. Посреди бушующей метели это место казалось единственным безопасным убежищем.

А Чу Сюнь тем временем ушел. Он спустился по деревянной лестнице, не оглядываясь. Дров в камине хватило бы на всю ночь, но он не остался греться. Мужчина распахнул дверь и скрылся в завывающей метели, оставив позади тепло маленького дома. Его лицо было бесстрастным: он просто прошел мимо чужой жизни, не оставив следа.

***

Утром солнечные лучи пробились сквозь слуховое окно на чердаке, упав ярким пятном прямо перед Ло Хуаем. Он медленно открыл глаза. Тонкие ресницы дрогнули в ярком свете; зрение почти полностью восстановилось.

Не теряя ни секунды, юноша вскочил и бросился вниз по лестнице. От резкой боли в раненой ноге он едва не скатился кубарем, в последний момент ухватившись за перила.

Весь в напряжении, он выбежал в гостиную, готовый что-то сказать, но слова застряли в горле. В доме было пусто. Свет в глазах Ло Хуая медленно угас.

Где-то заскрежетало. Он резко обернулся к двери, его взгляд снова вспыхнул надеждой. Но за порогом никого не оказалось — лишь какой-то зверек пробежал по снегу. Юноша стоял неподвижно, пока не заметил на столе пачку сигарет и простую зажигалку.

Он взял пачку, достал сигарету и неумело прикурил. Его длинные пальцы так сильно сжали зажигалку, что костяшки побелели. Губы Ло Хуая произвольно дрогнули, когда он наконец закурил.

Странно: в первый раз дым казался мягким, но теперь он обжигал горло, вышибая слезы. Ло Хуай поднял голову, глядя в потолок сквозь сизую дымку.

«Эта сигарета, — медленно пронеслось в его голове, — кажется, совсем не утоляет боль»

<http://bllate.org/book/15843/1428004>